

— Если погибнешь здесь, то умрёшь и в реальности. Стоит зайти сюда хоть раз — и всё, обратного пути нет. — Юй Цюся заметил, что Пу Тяньбай хочет что-то возразить, и коротким жестом заставил его замолчать. — Как устроен этот мир, я не знаю. Но цель у нас одна — выжить.

— Если исходить из моего опыта, проще говоря, это... Театральный мир. — Юй Цюся на секунду умолк, словно подбирая наиболее точное определение, прежде чем продолжить: — Спектакли разыгрываются в самых разных эпохах. Действующие лица и сюжет адаптируются, видоизменяются, но суть одна. Нам нужно понять, что это за пьеса, определить главного героя и исполнить его заветное желание.

— Каждому из вас — называйте себя игроками, участниками или просто несчастными ублюдками, мне плевать — здешние миры навязывают определённые роли. Это может быть оригинальный персонаж пьесы — главный, второстепенный или вовсе массовка. А может быть и кто-то новый, не упомянутый в оригинальном тексте, но органично вписанный в общую канву.

— Подчиняйтесь местным законам, двигайте сюжет и ни в коем случае не выходите из роли. Нарушите характер — и последствия вам очень не понравятся.

Юй Цюся указал на двери высившейся неподалёку жилой коробки:

— Теперь нам нужно объединиться с остальными горе-выжившими. Обычно точкой сбора служит самое приметное здание, которое видишь сразу, как только здесь очутишься. В этот раз, очевидно, цель — вон тот дом. Как только вся группа будет в сборе, запустится сценарий. Тогда-то мы и начнём копаться в желаниях главного героя. Выполним — вернёмся живыми, провалимся — сдохнем. И пока мы не вошли, повторяю в последний раз: не смейте выходить из образа. Станьте местными жителями, растворитесь в декорациях. Иначе пеняйте на себя. Вопросы есть?

Тишина затянулась секунды на три, прежде чем Фан Сынун ровным голосом спросил:

— А с какого момента стартует действие? С экспозиции?

— Не обязательно, — Юй Цюся смерил его долгим, внимательным взглядом. — В любой момент. Нас может забросить хоть в пролог, хоть в эпилог, когда основная пьеса уже сыграна.

Фан Сынун молча кивнул. Держался он на удивление спокойно, словно не услышал сейчас бред сумасшедшего.

— Я понял.

— Я всё-таки кое-чего не догоняю, режиссёр Юй... — Хуа Тянься робко поднял руку. Улыбка

на его лице вышла натянутой и жалкой. — Мы... мы какое-то шоу снимаем? Вы на моего агента напрямую вышли или как?..

Терпение Юй Цюся лопнуло. Остановившись у входа, он обернулся. Его ледяной взгляд полоснул Хуа Тяньсяо по лицу:

— Это не съёмки, не квест и не дурацкий розыгрыш. Хочешь остаться в живых — заруби на носу всё, что я сказал. Минута на размышления, и мы заходим.

В его голосе зазвучали металлические нотки требовательного постановщика. О Юй Цюся судачили разное: в обычной жизни он казался воплощением мягкости и элегантности, всегда приветливый и улыбчивый, но стоило ему взять в руки режиссёрский рупор, как он превращался в бескомпромиссного диктатора, не переносившего глупости.

Хуа Тяньсяо беззвучно шевельнул губами, но благоразумно промолчал.

Спустя минуту Юй Цюся, не утруждая себя лишними вопросами, решительно направился к закрытым воротам старого двора. Скрипнуло железо: он с силой рванул обитую тонкими жестяными листами калитку, приоткрывая её ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, и скрылся в темноте.

Следом за ним должен был идти Хуа Тяньсяо, но стоило Юй Цюся сделать первый шаг, как Фан Сынун бесшумно скользнул вперёд, нагнав его. Он держался так близко, словно намеревался обнять со спины. К счастью, сразу за воротами лежал густой мрак, и Юй Цюся ничего не заметил. Фан Сынун продолжал бесшумно следовать за ним буквально по пятам.

Преодолев затхлый коридор под аркой, группа оказалась во внутреннем дворе.

Вокруг высилась серая панельная коробка родом из девяностых. Четыре семиэтажных корпуса образовали глухой двор-колодец. Посередине, прямо на заброшенной клумбе, громоздился неказистый барак, сколоченный из досок и фанеры. Эта постройка занимала чуть ли не половину всего двора.

У входа в барак тускло светил жёлтый фонарь, вырывая из темноты силуэты нескольких человек.

Фан Сынун быстро сосчитал силуэты — пятеро.

Люди стояли спиной к свету, рассмотреть их лица было невозможно. Вдруг один из них шевельнулся и недовольно буркнул:

— Надо же, сколько народу привалило.

Юй Цюся уверенно шагнул в круг света.

— Все собрались? — спросил он.

Интеллигентного вида мужчина в очках покачал головой:

— Вряд ли. Среди нас новичков нет, Старый Цзин пошёл искать по округе.

— Со мной трое, — отозвался Юй Цюся.

Державшийся подле него Фан Сынун мгновенно уловил, как после этих слов взгляды всей компании скрестились на Юй Цюся. Но это было совсем не то привычное восхищение или плотское вожделение, к которому Фан Сынун привык за годы работы с режиссёром. В этих лицах сквозила холодная, недоброжелательная насмешка, переходящая в брезгливое отвращение.

— Новенькие, значит? Ну, давайте знакомиться, — ухмыльнулся Чу Шэньнань. — Только поживее, мемуары слушать некогда.

Хуа Тяньсяо смело шагнул вперёд, натянув безупречную сценическую улыбку. Продemonстрировав приятный голос и безукоризненные манеры, он нарочно подставил лицо под свет фонаря, выгодно подчеркнув утончённые черты:

— Приветствую, мастера! Меня зовут Хуа Тяньсяо, можно просто Сяохуа.

Окружающие уставились на него как на умалишённого.

Фан Сынун покосился на Юй Цюся, но тот даже бровью не повёл.

— Фан Сынун, — коротко представился он.

— И чем занимаешься? — донёсся женский голос из полумрака.

Фан Сынун повернул голову на звук. Женщина была статной и высокой, никак не меньше метра семидесяти пяти.

— Фотограф, — ответил он.

— Неожиданно, — женщина скользнула вперёд, в круг жёлтого света. Стройная, с изящными тонкими чертами лица. Юность давно миновала, но в каждом её движении сквозила та зрелая, породистая грация, которая отличает истинных красавиц.

Фан Сынун слегка свёл брови к переносице:

— Что здесь удивительного?

— С твоей выправкой тебе больше подошло бы служить в полиции или армии, — она подошла к нему вплотную и протянула ладонь для рукопожатия. — Привет. Меня зовут Юань Гуаньцзюнь, я куратор выставок.

— Можешь говорить прямо — рожу у него кирпича просит, — лениво вставил Юй Цюся. — Вечно злой, будто с цепи сорвался.

Стоило Юй Цюся подать голос, как Фан Сынун послушно повернулся к нему. Поймав ответный взгляд этих раскосых миндалевидных глаз, в глубине которых теплилось нечто до боли знакомое — обманчиво-мягкое и одновременно безжалостное, — Фан Сынун почувствовал, как мысли в его голове мгновенно превратились в кашу.

Приятной наружности мужчина в очках также представился:

— Чжань Чэнсяо. Врач.

Примеру куратора и доктора последовали остальные. Девчонка неформального вида с двумя забавными пучками на голове представилась Яо Ван — татуировщица. Мускулистый крепыш, чью шею и щёку уродовали грубые шрамы, назвался Лу Шэном, владельцем курьерской службы. Блондин с дерзким видом оказался Чу Шэньнанем — мажором, блогером и профессиональным тунеядцем.

Когда Пу Тяньбай закончил говорить, Яо Ван коротко хохотнула:

— О, а я видела веб-сериал с твоим участием. «Душа» какая-то там... Играешь недурно, весьма убедительно.

Эта хрупкая девчонка так и лучилась агрессивным шармом: копна ядовито-синих волос, плотный слой «смоки-айз» и вызывающе яркая внешность. Короткий топ открывал взору роскошные цветочные рукава татуировок, переползающих на ключицы и грудь. От неё за версту веяло духом бунтарства. Пу Тяньбай, которому в жизни не доводилось общаться с настолько неформальными девицами, опешил:

— Э... спасибо?

Хуа Тяньсяо, привыкший купаться в лучах славы, уязвлённо вскинулся: с какой стати эта девица предпочла его какому-то третьесортному актёришке? Профессиональный рефлекс сработал мгновенно, и он тут же влез в разговор:

— Красавица, а на каких платформах ты обычно залипаешь?

Чу Шэньнань покосился на Хуа Тяньсяо:

— Слышь, а ты ведь тоже из этих, из звёздной тусовки? Харя знакомая, где-то я тебя видел.

Улыбка Хуа Тяньсяо на секунду одеревенела, но он виртуозно справился с мимикой и скромно замахал руками:

— Да какой там артист, так, балуюсь помаленьку...

Яо Ван проигнорировала его выпад и, глядя в упор на Пу Тяньбая, спросила:

— Знаешь, что в мужике ценнее всего?

Пу Тяньбай послушно поинтересовался:

— Что же?

— Быть привлекательным и не кичиться этим, — отрезала Яо Ван. — Стоит парню уверовать в собственную неотразимость — всё, тушите свет. Сразу становится тошно.

Тем временем те, кто постарше, облепили бетонный бортик полуразрушенной клумбы и дружно закурили.

Юань Гуаньцзюнь в дыму прищурилась и спросила Юй Цюся:

— Сроки сдвинулись, нас закинуло раньше обычного. Есть мысли, почему?

Юй Цюся покачал головой, шумно выдохнув облако дыма:

— Чёрт его знает. Меня выдернуло прямо во время мероприятия... — Он сделал паузу. — Ещё и посторонних за собой утащил.

Лу Шэн, стоявший в паре шагов от них, презрительно хмыкнул:

— Надо же, «посторонних». Свежо предание.

Юй Цюся проигнорировал выпад и вновь повернулся к Юань Гуаньцзюнь:

— Сама-то что думаешь?

— Трудно сказать. Такого на моей памяти ещё не бывало.

Чжань Чэнсяо задумчиво протянул:

— Может, это как-то связано со смертью господина Дуна?

Фан Сынун безучастно сидел на корточках рядом с Юй Цюся. Когда тот щёлкнул зажигалкой, парень дёрнулся было, но тут же подавил этот порыв.

В студенческие годы Юй Цюся переболел тяжёлой пневмонией, едва не закончившейся эмфиземой лёгких. С тех пор здоровье его пошатнулось, и в межсезонье его одолевал жуткий кашель. В своё время Фан Сынун буквально силой заставил его отказаться от сигарет.

А теперь тот снова дымил как ни в чём не бывало. Рука Фан Сынуна дёрнулась, повинувшись застарелому рефлексу — выхватить и потушить сигарету, но разум вовремя прояснился. Они больше не вместе. Он потерял право заботиться о чужом здоровье. От этой мысли Фан Сынун помрачнел ещё сильнее, внутри всё сжалось от глухой ярости. Он замер, напряжённый как струна, словно терпел невыносимую муку или готовился к прыжку.

Слова врача вывели его из оцепенения.

— Погиб? — переспросил он.

— Да, — Чжань Чэнсяо смерил его пристальным взглядом. На его губах заиграла странная, пугающая улыбка. — Все, кто сейчас находится здесь, кроме вас, новичков, — живые мертвецы, чудом выскользнувшие из лап смерти.

Фан Сынун почувствовал, как мелко задрожали его пальцы. Он медленно повернул голову к Юй Цюся.

Юй Цюся проигнорировал его безмолвный вопрос. Он сделал глубокую затяжку, и в клубах сизого дыма его красивый профиль показался Фан Сынуну одновременно резким и неуловимо мягким.

Юань Гуаньцзюнь с живым интересом оглядела парня:

— А у тебя железные нервы. Точно в первый раз?

Фан Сынун не успел открыть рот. Юй Цюся раздавил окурок подошвой и, выпрямляясь, бросил:

— Он всегда такой. Непрошибаемый.

Юань Гуаньцзюнь поднялась следом за ним:

— Вижу, у вас общее прошлое.

— Знакомы малость, — сухо обронил Юй Цюся.

Юань Гуаньцзюнь скользнула взглядом по фигуре Фан Сынуна. Этот парень, от которого веяло тяжёлой, подавляющей силой, не отступал от Юй Цюся ни на дюйм. Явно не простое знакомство. Впрочем, лезть в чужую душу она не собиралась:

— Обычно новички к этому моменту уже вовсю размазывают сопли.

И словно по заказу, за воротами послышался надрывный плач.

Юань Гуаньцзюнь усмехнулась:

— Ну вот, лёгки на помине.

Скрипнули ворота, и во двор нерешительно вошли ещё четыре человека. Возглавлял группу потрёпанного вида мужчина средних лет. Следом плелись двое парней и девушка, у которой от рыданий уже перехватывало дыхание. Лица парней побелели от страха.

— Прочесал окрестности, — пробасил вошедший мужчина. — Только этих троих нарыл.

— Старый Цзин, — окликнула его Юань Гуаньцзюнь. Мужчина зашагал на её голос. Указав на Фан Сынуна, она добавила: — Знакомся, это парень Юй Цюся.

— Цзин Шипин, — мужчина вытащил изо рта дешёвую сигару, выпустил струю дыма в сторону и сунул её обратно. — Сапожник.

«Сапожник?»

Фан Сынун невольно сжал кулаки в карманах. От этого прокуренного работяги веяло первобытной, звериной угрозой.

— Фан Сынун, фо... — начал было он.

— Началось, — глухо перебил его Лу Шэн, возникший за спиной.

Фан Сынун не сразу сообразил, в чём дело, но Пу Тяньбай, как раз подошедший поближе, испуганно встрепенулся:

— Что началось? Кто пришёл?

Юй Цюся повернулся к светящемуся проёму барака:

— Главный действующий субъект. Наш ключевой персонаж.

Все как один повернули головы. Скрипнула дверь хлипкого деревянного барака. Из черноты дверного проёма медленно выступила иссохшая, мертвенно-бледная фигура. Абсолютно чёрные, лишённые белков глазницы бездонными провалами уставились на притихшую толпу. Сухой, безжизненный шёпот эхом прошелестел по двору:

— Все в сборе.

<http://bllate.org/book/20607/2106365>